

ЭДУАРД ЛИМОНОВ
ФИЛОСОФИЯ
П ДВИГА А

Публицистический роман

Эдуард Лимонов

Философия подвига

«Питер»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

Лимонов Э. В.

Философия подвига / Э. В. Лимонов — «Питер»,
2020 — (Публицистический роман)

ISBN 978-5-4461-1265-4

В этой книге люди жёсткие. Нетерпимые, быть радикальнее их – невозможно. Я сообщил этому собранию радикалов смысл, увидел у них общие черты и выделил из человечества таким образом особый и редкий тип «человека подвига». Человек подвига совершает свой подвиг не ради человечества, как принято благообразно предполагать и учить в средних школах, а просто потому, что его энергетика заставляет его делать это. Без цели, но такие люди всегда умудрялись сбивать с толку человечество. Этим они и интересны.
Эдуард Лимонов.

УДК 821.161.1

ББК 84(2=Р)6

ISBN 978-5-4461-1265-4

© Лимонов Э. В., 2020

© Питер, 2020

Содержание

Предисловие	6
Бешеный Жак	7
Гудрун Энслин и Андреас Баадер	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Эдуард Лимонов

Философия подвига

© ООО Издательство «Питер», 2020

© Серия «Публицистический роман», 2020

© Эдуард Лимонов, 2020

* * *

Предисловие

В этой книге люди жёсткие. Нетерпимые, быть радикальнее их – невозможно.

Нечаев – архетип революционера, непревзойдённая никем мрачная демоническая фигура тотального революционера.

Че Гевара в сравнении с Нечаевым – слащавый тенор, в нём нет безжалостности, в Че Геваре.

Поганая тварь – Достоевский, создавший карикатуру на Нечаева в «Бесах», именно в этой своей злобной ипостаси очернителя благородного Демона Достоевский наиболее отвратителен.

Достоевский раскрывает свою подлую душонку продавшегося за монаршьи макароны, раскаявшегося фрондёра именно в «Бесах», где он умудрился испачкать желчью и неверием всё самое самоотверженное, что было в русской жизни того времени. Всё героическое.

Революция опровергла Достоевского и подтвердила Нечаева.

История идёт дальше, превращая гибельные идеи прошлого в блистательные трагические гениальные подвиги настоящего. Человечество прошло свой путь от жалкого Бога, болеющего о всех больных, к новому Богу, требующему гибели всех больных.

С человеческой точки зрения это очень плохая книга. Со сверхчеловеческой точки зрения это единственная современная книга, которая не нагоняет скуку, вызывает жуткие чувства освобождения.

Для написания этой книги я обильно пользовался цитатами и выписками из других книг.

Как видите, я это заявляю демонстративно и делаю это, поскольку биографии и детали биографий всех без исключения исторических личностей, на которых я обратил внимание, лучше исследованы другими.

Мне, да потрать я и десяток лет на исследования, никогда бы не удалось выудить из глубин истории то, что знали из первых рук люди, лично знавшие Нечаева, или, как Савинков, – Ваню Каляева, например.

Невзирая на то, что я пользовался материалами и текстами других – моего в «Философии подвига» не мало, но много. Я сообщил этому собранию радикалов смысл, увидел у них общие черты и выделил из человечества таким образом особый и редкий тип «человека подвига». Фанатик, такой человек пренебрегает своей жизнью.

Человек подвига совершает свой подвиг не ради человечества, как принято благообразно предполагать и учить в средних школах, а просто потому, что его энергетика заставляет его делать это. Без цели, но такие люди всегда умудрялись сбивать с толку человечество. Этим они и интересны.

Я не их противник, ни в коем случае.

Я, пожалуй, один из них.

Э. Лимонов

Бешеный Жак

Его арестовали 22 августа 1793 года по приказанию Коммуны. Обыск прошёл 23-го.

27 августа его освободили под ответственность фармацевта и сапожника, но 5 сентября вновь арестовали. В этот раз – Комитет общественного спасения парижского департамента. Его декларировали подозреваемым и отправили в тюрьму Сант-Пелажи. За ним арестовали его товарищей – Леклерка, Лакомба, Варлета и распустили Клуб женщин, на который опирались «бешеные».

Его газета «Публицист Французской Республики» – публикация прекращена.

Он переведён в тюрьму Бисетр, самую населённую из тюрем той эпохи.

Из глубин тюрьмы он аплодирует репрессиям власти против церкви.

23 нивоза II года революции (12 января 1794) Жак Ру предстал перед трибуналом коррекционной полиции в Шатле. Трибунал признал себя некомпетентным и отправил его в Революционный трибунал.

Слушая своё обвинение, которое предвосхищало фатальный и скорее оскорбительный для него приговор, он ударил себя небольшим ножом, спрятанным в одежде, пять раз под сосок левой груди. Окровавленный, он был доставлен в Зал Совета, где его допросили в ожидании хирурга.

Состоялся следующий диалог, который мы имеем, поскольку он сохранился в протоколе:

– Почему Вы покушались на Вашу жизнь (Ваши дни)?

– Уже давно я пришёл к решению принести в жертву мою жизнь, но оскорбления и ужасная жестокость моих преследователей меня окончательно возбудили перейти к делу.

– Трибунал ещё не вынес своё решение по Вашему делу, они лишь отправили Вас к компетентным судьям.

– Я не имею никаких жалоб на Трибунал, он действует согласно закону, но я действую согласно моей свободе (воле).

– Вы не должны бояться появиться перед Революционным трибуналом. Марат, которого Вы считаете Вашим другом, предстал перед Трибуналом и вышел триумфатором.

– Между мною и Маратом существенная разница. Марат не имел моей энергии, и его не преследовали, как меня. Я презираю жизнь. Я войду счастливым и спокойным к друзьям свободы в будущей жизни. Я вам рекомендую моего маленького сироту Масселина, которого я принял у себя. Я прошу, чтобы перед тем как завершить мою карьеру, на меня надели бы красный колпак и чтобы президент Трибунала удостоил бы меня поцелуя мира и братства.

После того как президент удовлетворил желание раненого, хирург его осмотрел и официально констатировал раны.

Затем Жак Ру был транспортирован в операционный зал тюрьмы Бисетр. Там он «всеми средствами» ухудшал своё здоровье, с тем чтобы избежать процесса, которому он должен был подвергнуться. Наконец 22 плювиоза (10 февраля 1794 года) он нанёс себе в левую грудь новые раны, более глубокие и более опасные, чем предшествующие. Одна из них прорезала лёгкое. Он умер в середине дня и был похоронен на кладбище в Жентильи.

«Этот трагический конец, в котором отразилось всё величие его жизни, был сравнён с жертвами античных смертей, о которых повествовал Тацит», – заключает историк Морис Домманже.

Жак Ру вместе с Жак-Клод Бернаром был избран Парижской коммуной присутствовать на казни короля 21 января 1793 года.

Казнь Людовика «Последнего» (так его называли революционеры, но оказалось – не последнего) и Жак Ру возле этой казни окружены плотным слоем легенд, сложившихся ещё во

времена Великой Французской. Сегодня уже невозможно отделить, что там правда, что вымысел.

Так, действительно ли, приехав в Тампль, где содержался король, для того чтобы забрать его на казнь, сказал ли, говорил ли Жак Ру королю в ответ на его мольбу передать Коммуне его завещание такие хлёткие и холодные слова: «Я уполномочен лишь сопроводить Вас на эшафот». Большинство историков утверждают, что да, говорил, но такой крупный историк, как Мишле, утверждает, что нет.

Однако в своём рапорте о казни Людовика, написанном для Коммуны, Жак Ру утверждал, что говорил слова, которые ему приписывали. Ещё в своём рапорте Жак Ру настаивал, что после казни присутствовавшие ассистенты смочили свои платки в крови короля.

Известный социалист Жан Жорес через столетие писал, что «Жак Ру сошёл с помоста, по которому катилась голова короля, с неким кровавым престижем».

В своей секции Гравильеров, вспоминала одна из революционных женщин, «он нам рассказывал о голове Луи Капета, он нам представлял эту голову, катящуюся на эшафоте, и это описание нас радовало».

В 80-е годы двадцатого века, живя в Париже (то есть через 200 лет после казни короля), пишущий эти строки посещал по 21-м января Пляс де ла Кон-корд, то место, где стояла гильотина, обезглавившая Людовика. Дело в том, что я принадлежал к секции «Вижилантов Сен-Жюста», и мы праздновали казнь короля. Стоял стол с бутылками вина, лежала на столе фаршированная овощами свиная голова, играл аккордеон, и ожидалось нападение правых. Помню, что нас охраняли жандармы и ребята-коммунисты. Мои товарищи поэт Жан Риста, люди из журнала ФКП «Revolution», Жан Фернандес-Рекатала, Мартин Нерон, ещё множество умных, смелых и вдохновенных лиц... Гляжу на них с дистанции в четверть века и умиляюсь...

В России принято считать, что самым радикальным революционером Французской Революции был Робеспьер. Нет, не был. Он был самым авторитетным, знаменитым, везде лез, говорил нравоучительным тоном. Робеспьер всеми фигурами революции повелевал, или пытался повелевать, но самым последовательным радикальным революционером был бывший священник Жак Ру. «Cure Rouge» Jacques Roux.

Не так важно, где и когда такие люди рождаются, важно, кем они становятся и какие роли играют, но вот вам всё же:

Жак Ру родился 21 августа 1752 года в деревне Pransac близ Ангулема, департамент Шарант.

Жак был младшим из двенадцати детей. Учился в семинарии в Ангулеме.

Служил священником. Потом случилась Революция.

На взятие Бастилии он, доселе не занимавшийся политикой, отозвался панегириком, произнесённым в церкви Сент-Томас де Конак как о «триумфе бравых парижан над врагами общественного блага».

В апреле 1790 года крестьяне Сент-Томас де Конак (пишется de Conas, то-есть это не «коньяк») атаковали два замка в окрестностях, разграбили и сожгли. Кюре Жак Ру проповедовал этим крестьянам «опасную доктрину, что земли принадлежат равно всем», и что «не должно более подчиняться платить владельцам замков никаких сеньорских прав». Он также втихую подталкивал своих прихожан подняться против богатых, то есть проповедовал социалистические идеи. За его позицию церковные власти лишили его сана, и он вынужден был бежать из своего прихода. Где он пропал восемь месяцев есть загадка для историков.

Но в конце 1790 года он обнаруживается в Париже, членом Клуба кордельеров, наиболее воинственного из всех клубов столицы.

В воскресенье 16 января 1791 года Жак Ру обнаруживается в качестве священника в церкви Сент-Сюльпис; Жак Ру, явившийся в столицу принять клятву Конституции, сделал это в церкви Сент-Сюльпис и имел жуткий успех.

Он закончил так: «Я клянусь, мсье, в присутствии неба и земли, что я буду верным нации, закону и королю (всё ещё королю, заметьте!), которые неразделимы. Я хочу добавить, что готов пролить всю мою кровь до последней капли в поддержку Революции, которая изменила уже на поверхности земного шара судьбу рода человеческого, сделав людей равными между собой, как они есть в вечности перед Богом».

После занятия места среди конституционных священников Жак Ру становится викарием в церкви Сент-Николас де Шампс и поселяется в районе Гравильерс (от слова «гравюра», гравильщиков). Это картье, населённое многочисленными рабочими.

В общем, вы поняли персонажа. За плечами у него семинария, где он даже изучал курс философии, годы его священничества научили его говорить, выступая перед прихожанами, он отточил ораторское искусство. Он готов. Ему остаётся три года... ну... чуть больше, на месяц больше.

В Клубе кордельеров Жак Ру познакомился со вдовой Petit, рождённой Элизабет Юберт, рабочей по белью, которая заботилась о нём. Она вскоре стала продавать его брошюры. История не знает ничего больше об их отношениях. Личная жизнь Жака Ру остаётся скорее неясной. Возможно, разве что, сигнализировать его склонность к музыкальному инструменту арфе, и что у него была собака, и что он адаптировал сироту 14 лет, который жил с ним.

В Клубе кордельеров Жак Ру получил некоторую известность, потому что его наградили кличкой, хвалебной в этих кругах: Маленький Марат.

Большой Марат, удивительное дело, проявил инициативу личного знакомства с Жаком Ру, принял его по-братски и доверил ему передать письма в Клуб кордельеров и в Клуб якобинцев (в это время Большой Марат скрывался у сестёр Эввар).

Некоторое время спустя, спрятавшись под именем Легрос, Марат попросил Жака Ру спрятать его. Ру держал его у себя шесть дней, готовил ему еду, служил ему сам буквально – спал на твёрдом полу и опустошал его ночной горшок, но был удовлетворён, «служба общественному благу». Ру жил тогда на rue Aumaîgne, на втором этаже.

Во время разговоров с Маратом Жак Ру поведал тому, что хочет уйти из священничества, жениться, обзавестись типографией и основать журнал.

Нужно сказать, что Жак Ру не нуждался в журнализме, чтобы стать популярным. Он делался популярным методами, которых Марат не знал и не мог употребить. Будучи священником, Ру произносил проповеди для неимущих, группировал женщин вокруг себя и умножал революционные проповеди.

С 24 мая 1792 он проповедовал не только в Сент-Николас де Шампс, где он служил, но и в Сент-Усташ, в Сент-Маргарите, в Сент-Сюльпис, в Сент-Антуан и даже в Нотр-Дам.

Эти проповеди уже содержали те идеи, которые заслужили ему место неоспоримого лидера группы «бешеных» – Enragés.

Предвосхищая Террор, его даже превышая в формулировках, в своей теории заложников Жак Ру требовал безжалостных мер против врагов революции:

«С этих пор, подозрительные граждане, назначьте цену за головы эмигрантов-заговорщиков и коронованных тиранов, которые вооружились против нашей свободы. **Возьмите в заложники женщин, детей предателей родины**, чтобы они отвечали за события войны, чтобы, закованные в цепи, они бы были открыты огню противника или же железу убийц, которых они рекрутировали, чтобы дома этих трусливых обитателей, которые выдали наши крепости, были бы снесены и разрушены. Вспомним, что Англия спаслась, покрыв эшафоты красным от крови предателей и клятвопреступников».

Сурово, суровее не бывает. Священник вышел за границы христианства.

Но это не что иное, как политическая программа, и заметьте – за восемь месяцев до её реализации – угроза казни Людовика XVI.

Французская революция могла закончиться как пролетарская, как революция санкюлотов, но закончилась как буржуазная.

Изначально это была революция всех против того порядка жизни, который уже всем мешал. Это была революция против аристократов и королевских чиновников в первую очередь, а уж потом против короля. Король Луи Шестнадцатый имел несчастье символизировать старую жизнь.

Робеспьер, которого в России почитают как ужасного революционера, на самом деле был либералом. Реальным крайним революционером был даже не Марат – друг народа, но Жак Ру, неистовый священник, требовавший брать в заложники и женщин, и детей, и в цепях гнать их перед французской армией.

Вот что пишет Жак Ру против буржуазии, обращаясь к народу, к санкюлотам:

«На кой вам послужит отрубание головы тирана и сокрушение тирании, если вы все ваши дни поглощаемые агioteurs, монополистами? Они собирают в их прекрасных магазинах пищу и товары первой необходимости, которые они затем продадут за потребную им цену, людям, которые голодны, ремесленникам, которым необходимы в их профессиях лён, кожа, мыло, железо. Против них также необходимо восстать. И ничего не значит, что они себя называют патриотами? И ничего не значит, если они позаботились выступить за революцию, потому что они захватили национальные богатства, в огромных помещениях вчерашних монастырей они складируют ворованные товары?»

На приёме в Конвенте 3 и 12 февраля 1793 года была зачитана объединённая петиция восьми секций Парижа. В интересах «наименее зажиточного класса народа» они потребовали от Конвента «нисколько не опасаться наступить на свободу коммерции и на право собственности».

Они потребовали «хорошего закона о средствах для выживания». Максимум зерна, общие измерения для зерна, смертную казнь против спекулирующих валютой в случае рецидива. Против оппонентов максимума зерна, наблюдение над магазинами республики директоров департаментов. И запрещение чиновникам администрации вмешиваться в коммерцию средств для выживания.

Я перевожу, держа левой рукой французскую книгу, правой царапаю текст. Перевод не гладок, но вы понимаете, французская буржуазия далеко не была буржуазной. Против короля и аристократов дружно восстали (во Франции тогда было 24 миллиона населения, из них 200 тысяч аристократов), а затем стали разбираться между собой. Буржуазия сумела победить. Становится в свете их победы понятным, почему Жак Ру предпочёл смерть от собственных рук появлению перед буржуазным судом.

Гудрун Энслин и Андреас Баадер

У него в рубрике «страна, где родился» в Википедии значится «Третий рейх». Город Мюнхен. Родился 6 мая 1943 года.

Он появился в Берлине в конце июля – начале августа 1967 года, как раз вышел из тюрьмы в баварском Траунштайне.

Те дни лета 1967-го радикализировали немецких левых. Во время демонстрации против персидского шаха полицейский Карл-Хайнц Куррас застрелил студента Бенно Онезорга. Студент-теолог, похожий на Христа, взорвал воображение левых. В вечер убийства Онезорга 2 июня 1967 г. в Республиканском клубе Гудрун Энслин выкрикивала: «Они нас всех прикончат – вы что, не знаете, с какими свиньями мы имеем дело? Это же поколение Аушвица, с которым мы имеем дело – с людьми, которые устроили Аушвиц, нельзя дискутировать! У них есть оружие, а у нас – нет. Мы тоже должны вооружиться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.